

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ СТРАТЕГИИ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ: РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ (ИЗВЛЕЧЕНИЕ)

ВЫВОДЫ. КОНЦЕПЦИЯ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ НА БАЗЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И НАУЧНО-ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

С учетом всего сказанного представляется возможным сделать следующие выводы.

1. При попытке осуществить догоняющую модернизацию Россия имеет высокие шансы «отстать навсегда» (т. е. на весь обозримый исторический период) от группы государств так называемого золотого миллиарда. Аргументы в пользу такого вывода сводятся к следующим.

1.1. Нарастание отставания от наиболее развитых стран в последние годы советского периода в связи с неспособностью «административно-командной системы» освоить новый виток технической революции. Согласно некоторым экспертным оценкам, на стадии экстенсивной индустриализации (вторая половина 1920-х — середина 1960-х гг.) СССР развивался более высокими темпами по сравнению со странами Запада, с середины 1960-х до середины 1970-х гг. эти темпы были примерно одинаковыми, а после этого отставание нарастало вплоть до экономического кризиса конца 1980-х гг.

1.2. Качественно новый уровень отставания России от «цивилизации» в постсоветский период. Помимо уже упоминавшегося заявления А. Кудрина о том, что по объему ВВП Россия достигнет 1990 г. в 2007 г., обращают на себя внимание интегрированные показатели, дающие представление об отечественном уровне социального развития. Согласно международным оценкам, по качеству жизни Россия занимает 105-е место в мире, по продолжительности жизни женщин — 108-е место, мужчин — 128-е. В соответствии со стандартными стереотипами, использовавшимися в рамках политической агитации, в 1990-х граждане России обменяли «колбасу» на свободу. Однако и эти данные не подтверждаются исследованиями международных организаций. Так, по данным организации «Репортеры без границ», в 2002 г. по уровню свободы печати Россия занимала 121 место из 139, в 2003 — 147 из 193, а в 2004 — 140 из 167¹. Упомянутый выше парадокс о вхождении в цивилизацию по попятной траектории, таким образом, проявляется отнюдь не только в сфере образовательной политики.

1.3. Сохранение сырьевого характера российской экономики и относительно низкие темпы ее развития. По официальным прогнозам, в 2005 г. отечественный экономический рост на десятки доли процента превысит среднемировые показатели, на проценты — показатели большинства индустриально развитых стран. Однако этот рост по-прежнему примерно в полтора раза ниже, чем в Китае, а отставание России по физическому объему ВВП от развитых стран продолжает увеличиваться.

1.4. Сочетание демографической и геополитической катастроф, угрожающее ликвидацией государственности в ее современных границах.

Как уже отмечалось, социально-политическая революция как историческая ситуация представляет собой период и серию множественных катастроф. Будучи порождена именно системным кризисом, она в той или иной степени с неизбежностью подвергает разрушению все основные подсистемы социума, вызывая катастрофические последствия, соответственно, во всех важнейших сферах общественной жизни.

Социально-политические процессы в России 1990-х гг. полностью соответствовали характеристике революции как исторической ситуации. В последнее десятилетие прошедшего века в России совпали (точнее, слились и, вызывая эффект резонанса, взаимно стимулировали друг друга) пики падения по нескольким циклам развития: технологическим, экономическим, национальных отношений, циркуляции элит и т. п. В результате возникли множественные катастрофы социогенного характера, главными среди которых стали: социально-экономическая, финансовая, социотехнологическая, социальная в узком

¹ [http:// news.accona.ru/?id=8651](http://news.accona.ru/?id=8651)

смысле (т. е. катастрофа в социальной сфере), социально-нравственная, социально-демографическая и геополитическая. На двух последних необходимо остановиться подробнее.

Катастрофа социально-демографическая — «русский крест». Эта катастрофа производна от других и, быть может, наиболее опасна.

Начиная с 1992 г., в стране наблюдается резкий рост смертности, особенно среди мужчин в трудоспособном возрасте, при одновременном снижении рождаемости. Это явление и получило в литературе образную характеристику «русский крест». Несмотря на приток беженцев и переселенцев из бывших республик СССР, с 1992 по 1999 г. население России сократилось со 148,3 млн. до 145,5 млн., причем это явление было характерно почти для всех регионов. Если в 1990 г. «естественная убыль» населения зафиксирована только в 9 республиках, краях, областях, то в 1999 г. — в 74. Только за три года (1998—2000) в России стало на 4 млн. меньше детей. Хотя данные переписи населения 2002 г. отразили замедление демографической катастрофы (в стране оказалось не 143,5, как прогнозировали, а 145 млн. человек), общей картины это не меняет.

В 2004 г. население страны составило приблизительно 143 млн. человек. По самым оптимистическим прогнозам, при сохранении современных тенденций оно в ближайшие 25 лет сократится на 10—15 млн. человек, а к 2050 г. — приблизительно до 100 млн. человек. Согласно же пессимистическому варианту одного из прогнозов Госкомстата, к 2025 году численность населения страны не будет превышать 100 млн., к 2050 г. — 75 млн., а к 2075—50—55 млн. человек. Неожиданную актуальность приобрело предостережение Владимира Набокова о том, что Россия может разделить судьбу Древнего Рима: культура останется, а народ исчезнет!

Учитывая, что, по прогнозам ООН, население Китая составит к 2025 г. 1,5 млрд. человек, Индии — 1,6 млрд., что численность населения США также возрастет на 50 млн. и составит 325 млн. человек, можно с уверенностью предположить возникновение новых трудно разрешимых геополитических проблем.

Катастрофа геополитическая: крушение сверхдержавы, однополярный мир, перекрестные угрозы национальной безопасности.

В результате революции первой половины 1990-х гг. была разрушена одна из ведущих мировых цивилизаций — Советский Союз (Большая Россия, евразийская цивилизация, российский суперэтнос и т. п.). Российской Федерации (усеченной России), которая утратила статус сверхдержавы, предстоит сложная борьба за сохранение статуса одной из великих держав. При этом, по оценкам Г. Осипова, в 1996 г. «По 24 основным показателям страна вышла за пределы допустимого критического уровня, за которым начинается распад общества и государства, физическая и нравственная деградация человека»¹.

Мир фактически стал однополюсным, а границы политического влияния и экономического господства единственной сверхдержавы — США — значительно расширились. Союз НАТО превратился в самый мощный в истории военно-политический блок. Никакие заверения зарубежных и отечественных политиков о том, что расширение НАТО России не угрожает, не могут успокоить общественное мнение. Не случайно бывший госсекретарь США Г. Киссинджер в статье «Цели НАТО под вопросом» писал о том, что «любое расширение НАТО неминуемо приведет к проведению новых линий разделов», т. е. к еще большей изоляции России. Неопределенные обещания допустить Россию в Североатлантический блок в отдаленном будущем вряд ли могут восприниматься всерьез, учитывая ее положение на стыке трех цивилизаций:

- западной, которая, как выяснилось, не готова принять бывшую сверхдержаву как полноценного и равноправного члена;
- китайской — потенциального лидера XXI в.;
- мусульманской — наиболее активной (пассионарной) и на этой почве нередко порождающей исламский фундаментализм.

Вопреки оптимистическим ожиданиям конца 1980-х — начала 1990-х гг., которые разделяли многие выдающиеся ученые и политики, в результате разрушения Советского блока не сократилось, но значительно возросло количество региональных вооруженных конфликтов, которые фактически стали частью затяжной войны между богатым Севером и бедным Югом, между западной и мусульманской цивилизациями и т. п. При опреде-

¹ Осипов Г. В. Указ соч. С. 26.

ленных условиях эти локальные конфликты вполне способны перерасти в конфликт глобальный.

Ключевым для понимания новой геополитической ситуации является тот факт, что в силу своего географического и социокультурного положения российская цивилизация в течение длительного времени являлась одновременно водоразделом и мостом между Востоком и Западом. Пересыхание этого водораздела и крушение моста при определенных вариантах исторического развития может подтвердить правоту гарвардских сторонников социокультурного детерминизма (С. Хантингтон и др.), полагающих, что границы цивилизаций являются одновременно потенциальными линиями фронта.

В подобных условиях при сокращающемся населении, сырьевой экономике и технологическом отставании от наиболее передовых стран Россия практически обречена на то, чтобы стать объектом борьбы за сферы влияния между ними, причем борьбы тем более острой, чем острее будет ощущаться дефицит стратегических запасов сырья, потепление климата и перемещение благоприятных для жизни зон на север, а также перенаселение планеты. Заслуживает серьезного внимания мнение ряда экспертов о том, что для научно-технологического прорыва у страны остается 25—30 лет исторического времени. В случае же консервации наличных тенденций развития Россия с высокой вероятностью сменит роль одного из ведущих «игроков» международной политики на роль «болвана в польском преферансе» (говоря словами героя известного фильма), или, в терминологии «Великой шахматной доски», на роль легкой фигуры, которую всегда можно разменять или принести в жертву.

2. Практически единственным для страны шансом сохраниться в качестве Великой державы и занять достойное место среди передовых народов и государств остается путь опережающей модернизации, главным локомотивом которой способна выступить, как было показано выше, образовательная и научно-инновационная политика. В свою очередь, двумя основными условиями выхода страны на траекторию опережающего развития следует признать:

а) отказ от организационно-управленческих революций в образовательной и научной сферах (повторим: сохранение накопленного потенциала в данном случае важнее реформирования);

б) «отрицание отрицания», т. е. принципиальное изменение революционного и постреволюционного курса в широком спектре направлений внутренней политики государства, в том числе:

— поддержка высокотехнологичных отраслей отечественного производства. — Это обеспечит востребованность высокообразованных, высококвалифицированных работников и задаст вектор модернизации страны;

— стимулирование развития таких форм собственности, которые обеспечивают участие работников в распределении полученного дохода и управлении производством. Одна из возможных моделей в свое время была предложена знаменитым врачом и политиком Святославом Федоровым в известном Федеральном Законе «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)», который в Госдуме II созыва получил поддержку не только левой оппозиции, но и многих депутатов проправительственной ориентации. — Это также потребует от работника повышения уровня образования, причем не только профессионального, но и общего, в том числе гражданского;

— система налогообложения, направленная одновременно на стимулирование развития высоких технологий и ограничение социального неравенства, которое в России превзошло критические для национальной безопасности показатели. При этом доходы от инновационной деятельности должны облагаться иначе, чем от добычи и вывоза сырья, доходы академических коллективов — иначе, чем шоу-бизнеса, а доходы, используемые гражданами на получение образования, в отличие от затрат на престижное потребление, — не облагаться вообще. — Все это имеет не только экономическое значение (фактически дополнительные инвестиции в новейшие виды производства и развитие «человеческого капитала»), но и моральное (государство демонстрирует, каким именно видам труда оно придает приоритетное значение);

— регулирование оплаты труда, при котором ее уровень в сферах, обеспечивающих воспроизводство и развитие человеческого потенциала (образование, медицина, наука,

культура и т. п.), был бы, по крайней мере, не ниже, чем в сфере материального производства. — Это не только остановит отток квалифицированных кадров из «бюджетной сферы», но в перспективе окупится даже с экономической точки зрения за счет создания новых технологий, квалификации работников и качества товаров;

— реализация принципа: коммерческому искусству — коммерческие цены, высокие налоги, контроль общественности; народному и классическому искусству — низкие налоги, государственная поддержка и общественное меценатство. Прямое законодательное предписание государственным средствам массовой информации выделять часть эфирного времени образовательным программам, сделать их приоритетными по сравнению с развлекательными, — предписание, подкрепленное налоговыми льготами для всех средств массовой информации в части реализации ими образовательных программ. — В этом случае «четвертая власть» активно способствовала бы не деградации и дегуманизации личности, но ее просвещению и развитию, повышению престижа образования.

Разумеется, масштабное изменение внутриполитического курса государства предполагает принятие и реализацию специальной программы опережающего развития образования и науки¹.

3. Ключевой проблемой остается вопрос о формировании политического субъекта опережающей модернизации. Тем более, что и в данном отношении для отечественной исторической ситуации характерен следующий парадокс: чем более острой становится общественная необходимость в таком субъекте, тем больше политико-юридических препятствий для его формирования создается властью.

Политическим субъектом опережающей модернизации с вероятностью, близкой к 100%, не может быть существующая «партия власти», которая в последние 12 лет сменила несколько названий, однако в сущности осталась прежней.

Эта партия, во-первых, в строго политологическом смысле представляет собой, скорее, клиентелу и не имеет собственного политического лица.

Во-вторых, как было отмечено выше, парламентские фракции этой партии регулярно имеют самый низкий рейтинг поддержки образования.

В-третьих, в тех случаях, когда собственные идеологические ориентации части политической элиты, объединенной в «партию власти», все же проявляются, они оказываются право-консервативными, а отнюдь не «центристскими»². Между тем, в индустриально развитых странах значение образования для модернизации страны и лозунг «Образование — для всех» более последовательно отстаивают партии левой и левоцентристской ориентации, хотя и в программах правых образование представлено в качестве общезначимой ценности.

Наконец, в-четвертых, вероятность единственного случая, когда отечественная «партия власти» была бы способной поддержать программу опережающей модернизации, — а таким случаем может стать только избрание Президентом России разделяющего эту программу политического лидера, — такая вероятность в настоящее время ничтожно мала: ни действующий Президент, ни его предполагаемые преемники никаких стратегических разработок на эту тему никогда не презентовали.

Субъектом модернизаторской образовательной и научно-инновационной политики могла бы стать та часть так называемой правой оппозиции, которая в последнее время заметно сдвинулась влево и активно провозглашает необходимость социальных гарантий для граждан России. Подобные настроения присутствуют в ДПЯ, РПР, партии «Наш выбор», партии «Слон» и др. Есть основания ожидать, что эти настроения будут расти, поскольку, с одной стороны, «партия власти», видимо, скоро окончательно определится в качестве правой, а с другой, — оппозиционное положение политических течений, именующих себя правыми в настоящее время, будет неизбежно толкать их влево. Кстати призыв к левому повороту уже прозвучал от опального «экс-олигарха» М. Ходорковского.

¹ Один из вариантов такой программы представлен автором в статье «Образование — для всех» // Народное образование. 2005. № 5. С. 9—19.

² Неслучайно Председатель Комитета Совета Федерации по международным делам М. Маргелов заявил о намерении «Единой России» устанавливать тесные связи именно с консервативными партиями Европы.

Значительно шире настроения в пользу опережающей модернизации представлены в кругах лево-патриотической оппозиции (КПРФ, «Родина» и др.). Однако и здесь они охватывают не всю «генеральную совокупность» политиков, но преимущественно тех, кто понимает государственные интересы как интересы большинства граждан данного государства. В этой части политического спектра такие настроения тоже должны нарастать по мере движения к нормальной (для индустриально развитых стран) расстановке политических сил, когда левые ориентации преобладают в кругах интеллигенции и студенчества, а правые, помимо бизнеса, — в кругах лиц, связанных с материальным производством (в частности, сельскохозяйственным).

Учитывая, что (1) все названные выше партии квазиправой и левопатриотической ориентации получают на выборах от 1/4 до 1/3 голосов и что, (2) согласно социологическим опросам, около половины населения России никаким партиям не доверяет вовсе, заслуживают внимание проекты формирования непартийных (надпартийных, межпартийных и т. п.) общественных движений, главной задачей которых провозглашается такое воздействие на власти всех уровней, которое заставило бы их проводить опережающую модернизацию на базе образовательной и научно-инновационной политики. В качестве названия одного из таких проектов был избран известный лозунг ЮНЕСКО «Образование — для всех». Подобным проектам не гарантирован успех, однако их провал практически гарантирует неудачу замыслов опережающей модернизации страны. Видимо, это тот случай, когда интеллигенции стоит вспомнить миф о Сизифе в интерпретации Альбера Камю...

* * *

Итак, стратегия модернизации России требует принципиального изменения отношения государства к образовательной и научно-инновационной политике и, соответственно, нового курса во внутренней политике в целом.

Социально-философскими основаниями современного российского политического курса (декларируемыми или недеклаируемыми — не важно) выступают:

— экономический детерминизм, в том числе монетаризм как его крайняя разновидность;

— идеология революционного разрушения прежней общественной системы, включая ее образовательные и научные институты;

— концепция «догоняющей конвергенции».

Напротив, социально-философскими основаниями стратегии модернизации России могли бы стать:

— социально-образовательный детерминизм как обновленный вариант детерминизма социально-экономического;

— идеология принципиальной предпочтительности в сферах образования и науки эволюционного пути перед социально-политическими и организационно-управленческими революциями (системная эволюция как основа «революции знаний»);

— концепция опережающего развития.

Как ни трудно представить себе отечественное образовательное и научное сообщество в качестве политического субъекта опережающей модернизации страны, любой другой политический субъект в ближайшей перспективе представить себе практически невозможно.